

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

УДК 343.13(4/9)

МЕТАФИЗИКА И ЕЕ МЕСТО В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗНАНИЯ

© Сергей Александрович БОЧКАРЕВ

Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
кафедра уголовного права и криминологии; Генеральная прокуратура
Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
зам. начальника управления по надзору за расследованием
особо важных дел, e-mail: bochkarvs@mail.ru

Обращено внимание на то, что кризис уголовного права может быть продиктован не только его неудовлетворительной правоприменительной стороной, но и научно-теоретической необеспеченностью. Исследование последнего аспекта показало, что структура современного уголовно-правового знания не отличается своей завершенностью и самодостаточностью. Теория не располагает базовым знанием о мере, по которой можно судить о полноценности права. Речь идет о практически забытой метафизике, отвечающей за целостность и сущность, единство и упорядоченность, смысл и понимание, а также за конечные причины и цели, знания о которых сегодня в дефиците. Обоснованы полезные для уголовного права возможности метафизики. Их раскрытие способно убедить криминалистов в необходимости отступления от эмпириокритицистских традиций и от безальтернативного стремления только в них искать объяснение существа уголовного права. Вскрыты основные причины, препятствующие науке уголовного права в подступе к сфере метафизики.

Ключевые слова: уголовное право; знание; кризис; метафизика; онтология; междисциплинарность; политика; позитивизм; эмпиризм; наука; теория.

Актуальность заявленной темы в современных условиях подтверждает широко обсуждаемый в научном и профессиональном сообществах вопрос о кризисе отечественного уголовного права. Его постановка и основательное исследование закономерно предполагает рассмотрение состояния не только практики правоприменения, но уголовно-правового знания. От оценки самодостаточности и полноценности этого знания зависит как минимум понимание глубины кризиса, возможность прогнозирования времени и вектора его течения, а также определения той сферы, в пределах которой скрываются детерминанты, приведшие к стагнации уголовного права. От достоверности используемых знаний, в конечном итоге, существенно зависит вероятность обнаружения действительных, а не ложных причин расстройства права.

Исключение области знания из числа предпосылок, продуцирующих кризис, естественно свидетельствует о его менее пагуб-

ных качествах и ориентирует на поиск детерминант во внешней среде уголовного права, сосредотачивает внимание на изучении качества законодательства и его потребительских свойствах. Однако существенных проблем с исследованием окружающей уголовное право обстановки не имеется. В той или иной мере изъяны законодательной и правоприменительной практик уже диагностированы. Называются разные причины, приведшие к возникновению негативных тенденций. Но в целом определен их объем и степень влияния на положение уголовно-правовой отрасли. Во многом именно количественные показатели подталкивают к выводам о ее кризисе и о необходимости поиска выхода из него.

На их основе специалисты утверждают, что современное уголовное законодательство не представляет собой цельного и системного акта. В нем присутствуют «чужеродные» институты и традиции иных отраслей права и

сфер общественных отношений. Уголовный закон разбалансирован, а по ряду положений опасен для общества, поскольку наполнен противоречиями и лишен концептуальных основ [1]. Защита собственности, контрактов и личной неприкосновенности субъектов экономики, в частности, является недостаточной и деформированной. Опыт применения уголовного закона обнаруживает, что он не имеет общей идеологии и единой методологии; служит основной причиной разрыва между смыслом, вложенным в текст закона, и смыслом, придаваемым в процессе правоприменения, вследствие чего становится распространенной практика применения квазинорм, содержание которых оторвано от действительного смысла уголовно-правовых запретов [2, с. 20].

Совсем другое положение дел состоит с оценкой состоятельности уголовно-правового знания и его отношения к объявленному кризису. Оно обусловлено рядом причин. Во-первых, гносеологическому аспекту не уделяется столь же пристального внимания, как и практическому. Во-вторых, при изучении достаточности знания озвучиваются разные и порой диаметрально противоположные ответы на вопрос о его состоянии. В одном случае В.Н. Кудрявцев утверждал о необходимости модернизации уголовного права за счет развития его междисциплинарных связей с иными отраслями знания. В другом случае А.В. Наумов возражает и заявляет о его самодостаточности.

До достижения консенсуса, судя по всему, еще далеко. К его поиску необходимо привлечь внимание широкого круга научной и профессиональной общественности. Однако весь драматизм обусловлен не столько отсутствием согласия по вопросу качества уголовно-правового знания. Положение усугубляется тем, что из-за отмеченной разгласности не всегда дело доходит до выяснения корреляционных связей между теоретической и практической обеспеченностью уголовного права. Остается без аргументированного ответа вопрос о том, можно ли по бессистемности и незавершенности уголовного закона утверждать о наличии аналогичных качеств у уголовно-правового знания. В этой теме до сих пор во многом приходится полагаться на известное еще со времен Аристотеля понятие о знании как об умении

практиковать, пользоваться, воспроизводить, в котором искомая связь прослеживается и имеет прямо пропорциональную зависимость.

Приведенные ниже наблюдения подтверждают, что к структуре уголовно-правового знания в некоторой степени применимы те характеристики, которыми удостоена практическая сторона современного уголовного права. Система имеющихся знаний не отличается своей завершенностью и самодостаточностью. В этом, надо признать, нет ничего удивительного и уж тем более чего-то чрезвычайно пагубного. Вполне естественно, когда одни учения актуализируются, а другие утрачивают свою востребованность. Однако качественно иной является ситуация, когда теория не располагает базовым знанием о мере, по которой можно судить о полноценности права.

Исследование наиболее востребованных теорией уголовного права научных школ свидетельствует, что она не располагает той из них, которая отвечает за целостность и сущность, единство и упорядоченность, закон и порядок, целокупность и однородность, законченность и совершенность, смысл и понимание, а также за конечные причины и цели. Речь идет о забытой метафизике, которая имеет об отмеченных категориях необходимый объем знаний и располагает апробированным веками антикризисным потенциалом.

Криминалисты изыскивают дополнительные источники знаний. Они прибегают к широкому кругу знаний, обращаются к социологическим, экономическим, даже биологическим и медицинским источникам, в меньшей степени используют философско-правовую мысль и совсем не замечают метафизических учений. Подобное отношение к метафизике имеет под собой определенные основания. Оно традиционно. Метафизика незначительно востребована в науке уголовного права и малоизвестна среди криминалистов. Они не уверены в ее пригодности для нужд рассматриваемой отрасли права. В понимании специалистов она лишена актуальности, поскольку представляет собой, как писал Ф. Сьюэлл, смутное, во многом темное и спекулятивное, а самое главное – непрактичное творение разума [3, р. 3].

В исследовательской практике науки уголовного права можно отыскать единич-

ные случаи выхода в область метафизики. Но и они, по наблюдениям историков, остались в далеком прошлом. Последние метафизические построения в области уголовного права С.В. Познышев наблюдал в XVIII в. Уже в XIX в. они приобрели вид «очень слабых остатков прежних метафизических увлечений» [4, с. 13]. В настоящее время принимаются усилия по включению отечественного уголовного права в общеполитический контекст [5]. Совершаются робкие попытки обнаружить в основании этого права онтологические предпосылки [6]. Но спустя полтора века в научном постижении уголовно-правовой реальности изменилось не многое. Заимствования из метафизики по-прежнему скромны и практически не ощутимы. В XX–XXI вв. над наукой довлеют прямо противоположные тенденции.

Специалисты не оставляют сомнений в том, что ключ от кризиса современного уголовного права лежит в плоскости уголовной политики. Свою уверенность они основывают на представлениях о том, что политика есть многообразное, многогранное и многоаспектное явление, определяемое с разных сторон. В их воображении она предстала как своеобразная надстройка, в которой общественные отношения выражены в концентрированном виде, должным образом обобщены и завершены с учетом их специфики и требований универсальности [7]. Расхожим стало обращение к уголовной политике как к области науки, якобы способной давать ответы на вопросы, разрешение которых не под силу научно-методологическим подходам [8, с. 58].

Уверенность специалистов в политике граничит с самоуверенностью. Такая позиция, безусловно, не беспочвенна. Она имеет внушительную предысторию и свою научную школу. Как это ни странно, но ренессанс политической школы приходится на ранее отмеченный закат в XVIII–XIX вв. метафизического учения. Параллели, надо признать, не случайные. Разнонаправленность их движения не является результатом стечения не связанных друг с другом обстоятельств. Оно есть дело одних и тех же мыслителей, которые, с одной стороны, принижали значение метафизики, а с другой – воспевали политические соображения. Тому существует достаточно подтверждений.

На базе уголовно-политической школы, по свидетельству М.П. Чубинского, было признано, что сложившаяся к тому времени наука уголовного права отличается узкопрактическим характером. Она имела мало идей, могущих обновить науку уголовного права. Причина ее узости обнаружена в отсутствии в науке уголовно-политического элемента [9, с. 63]. Поэтому было принято решение развивать науку за счет осмысления уголовно-политического материала. На его основе сформировались представления о политике, внедрение которой якобы способствует криминалистам размышлять не только о том, что существует, но и том, что должно существовать.

Очевидно, что на политику возложены несвойственные для нее задачи. Ей приписывают то, что никогда не вытекало из сущности и не входило в предмет ее ведения. Много в характеристике политики смешано и, как следствие, искажено. Юристы упускают из своего вида то, что политика не создает твердую почву для уголовно-правовых построений, поскольку сама нуждается в таковой. Сфера политики ограничена. Ее возможностям доступна лишь феноменальная область права. Для более глубокого погружения в недра уголовного права она не предназначена. Политика исходит из существующего, а не из сущего, коим занята метафизика. Вне компетенции политики остаются вопросы о том, каким уголовно-правовое право есть само по себе и должно быть на самом деле. В область политического интереса входят аспекты желательного и наилучшего. Политика никогда не имела дела с должным. Ее уделом является лишь целесообразное. Несмотря на это, перед ней поставили задачу – стремиться к идеалу и давать систематику теоретических и практических требований уголовного характера; включили политику в состав науки и придали ей чрезвычайное значение.

Еще одна тенденция, которая во многом рукотворно приобрела антиметафизический характер, связана с методом. Исходя из убежденности в сложном и многоаспектном устройстве политики, сегодня верх берут воззрения о том, что разрешение вытекающих из кризиса уголовного права проблем подвластно столь же сложному и комплексному методу – исключительно междисциплинарному подходу. В своем выборе наука

уголовного права не одинока. Надо признать, что в этом вопросе она развивается в общенаучном контексте. Междисциплинарный метод пользуется популярностью. Он широко распространен среди других отраслей науки. Некоторые специалисты даже говорят о возникновении моды на междисциплинарность.

Для уголовного права отмеченный метод и не нов, и не плох. Но история его становления обращает внимание на одну параллель. Она указывает на то, что обе обсуждаемые здесь тенденции взаимосвязаны, и их одновременная актуализация не случайна. Взаимообусловленность этих тенденций имеет не только современные предпосылки, но и исторические основания.

Дело в том, что ранее именно позитивистски настроенные криминалисты именно в период упадка метафизического учения обращались к междисциплинарности. На фоне развития уголовно-политического учения они искали ему место в составе науки и высказывались о том, что для полного познания рассматриваемой отрасли права необходимо обращение к другим отраслям знания. На базе уголовно-политической школы в отмеченную эпоху сформировалась дискуссия о расширении науки уголовного права или вообще об отказе от нее путем замены на уголовную политику. Видные криминалисты видели в политике оплот всего уголовно-правового сооружения.

В немецком праве В. Вальберг заявлял о том, что уголовное право как никакая другая отрасль правовых наук может быть изучаемо с различных точек зрения и что все богатство его содержания только тогда ясно будет осознано, когда для углубления и укрепления его научных приобретений и итогов будут позаимствованы новые точки зрения из пограничных с ним областей знания [10]. В отечественном уголовном праве мнения о необходимости расширения его науки обобщил М.П. Чубинский. По свидетельству юриста, на пороге XIX–XX вв. в науке уголовного права зародились «новые требования, стремящиеся то к поглощению этого права другими науками, то к расширению его пределов, то, наконец, к скромной связи его с другими науками» [9, с. 5].

В современном уголовном праве наблюдаются схожие рассуждения. Наиболее эф-

фективный способ модернизации этого права и вывода его из кризиса юристы видят в интенсивном включении его науки в самый разнообразный круг знаний. К примеру, В.Н. Кудрявцев писал о необходимости преодоления кризиса уголовного права путем модернизации его науки через глубокий анализ демографии и статистики. Он отмечал, что право нуждается в социологических и психологических исследованиях, сравнительном правоведении и прогностике, основанной на понимании тенденций социально-экономического, политического и культурного развития страны [11, с. 130]. Аналогичного мнения придерживалась и Н.Ф. Кузнецова. Она считала, что современное положение уголовного права невозможно объяснить без помощи социологии, политологии, экономики, статистики и многих других наук [12, с. 132].

Философия приступила к верификации заявленного метода. Междисциплинарность стала предметом осмысления философских наук. На данном этапе эпистемологи отмечают, что в самом по себе междисциплинарном подходе нет ничего предосудительного или антиметафизического. Они подтверждают, что этот метод имеет антикризисные свойства. В нем обнаружили особую и свойственную науке форму объединения культуросозидательных сил, необходимого, как пишет В.Н. Порус, «чтобы расколы и трещины культуры не усугублялись, а заделывались, а еще лучше – вообще исчезли» [13, с. 9].

Но специалисты также указывают на условия применения метода. Их игнорирование лишает его всякой основательности и влечет возникновение прямо противоположных результатов. Он превращает исследователя в обозревателя мнений специалистов и делает из него непрошенного между ними посредника; выбивает из-под правоведов юридическую почву и направляет их на путь поиска позитивных критериев.

Одним из основных условий применения междисциплинарного метода является наличие у науки своих собственных парадигмальных представлений об уголовном праве. Если она будет иметь собственное понимание своего предмета, его предназначение и функции, то междисциплинарный метод в руках этой науки сможет не только «наводить мосты» между различными частями и

подразделениями знаний, но и выдерживать стратегию внутреннего единства соответствующей отрасли права, направлять импульсы, возникшие от синтеза знаний, к единой познавательной цели [14].

Без соблюдения отмеченного требования, развивающаяся междисциплинарная тенденция, как верно отмечает Е.А. Попов, способна украсть у науки не только свой собственный взгляд на реальность и вещи, который нередко приходилось отстаивать в течение десятилетий на дискуссионных площадках и в настоящих идейных сражениях, но и заметно изменить вектор оценки тех или иных явлений и процессов [15, с. 74]. Что-то похожее на квазимеждисциплинарность в теории уголовного права уже наблюдается, поскольку вопросы о его полноценном концептуальном обеспечении в полной мере еще не поставлены и тем более не удовлетворены наукой.

Для исследователя стало традицией связывать себя с теорией, историей или практикой уголовного права, вести речь о науке, философии, социологии, экономике или о политике уголовного права. С избранной позиции он всякий раз стремится рассмотреть существо уголовного права и приоткрыть тайны, скрытые за названием этой отрасли права. Однако в итоге оказывается, что, выбирая одну из названных точек зрения, специалист не выбирает точку максимально широкого обзора или наиболее глубокого погружения в материю изучаемого права. Он в очередной раз обманывается – надевает линзы, сквозь которые пытается увидеть основание права. Но с помощью этих линз обнаруживает преувеличенное или приуменьшенное изображение уголовного права, которое является естественным следствием оптических искажений. Иными словами, наталкивается на все тот же социологический, политический, экономический, антропологический аспект, под который, как под известную и готовую систему, подводит уголовно-правовое явление.

Вскрывается, таким образом, замкнутый круг. Какой бы угол обозрения не был избран – исход один. Всякий раз встречаемся с неполным или односторонним взглядом на существо уголовного права, его отдельных институтов. Их нутро, как и прежде, остается скрытым. На поверхности остается лишь

традиция «кругового движения». Ее заполучение стало основным результатом применения междисциплинарного метода. Другие не менее тяжкие последствия его безоглядного использования связаны с утратой специалистами ощущения пределов своей отрасли права и их перенасыщением не только полезными знаниями, но и бесполезной информацией, дилеммами иных отраслей науки, связывающие их в необходимость своего разрешения.

Наука уголовного права, таким образом, так и не получает доступа ни к предельным основаниям этого права, ни к сфере метафизики, где другие отрасли знания в период глубочайших кризисов заново находят себя, а в повседневности – верифицируют свои достижения. За счет своего прибежища к сугубо позитивистской аргументации не приобрела она и надежные источники соединения с другими отраслями знания и синтеза с наукой в целом.

Без выхода в мир альтернативных знаний достижение отмеченной цели маловероятно. В ряде отраслей науки осознание существования описываемых здесь миров уже наступило. Открытие возможностей метафизического мира для уголовного права, развивающегося преимущественно под влиянием позитивизма, требует веских доказательств. Их представление способно убедить криминалистов в необходимости отступления от эмпириокритицистских традиций и от безальтернативного стремления только в них искать и находить объяснение существа уголовного права, его институтов.

* * *

Полезных для уголовного права примеров достаточно. В геометрии признана возможность такой геометрии, которая существенно отличается от евклидовых о ней представлениях. Речь идет о метагеометрии, которая на пути своего становления встречала переменное к себе отношение. Были периоды, когда возможность ее существования либо не подтверждали, либо вовсе исключали. Как и всю метафизику, метагеометрию упрекали в том, что формулируемые ею пространственные отношения конкретно-наглядно непредставимы. Сегодня философская и естественно-научная возможность метагеометрии не подвергается сомнению.

Специалисты отмечают, что метагеометрия не является чем-то неординарным. Она

обеспечивает, как пишет В.Г. Степанов, «естественный переход к более широкому, более полному восприятию объективной реальности», что согласуется с оценками философов о существовании в человеческом бытии «более реальной и широкой реальности» [16]. Ее познание дает возможность ответить на множество вопросов, которые не в состоянии разрешить ни геометрия Евклида, ни геометрия Лобачевского–Римана. Принципиально неразрешимые для человеческого разума задачи оказались под силу лишь метагеометрии, способной вывести человека в высшие пространственные измерения и поставить проблему, образно говоря, «с головы на ноги».

За счет собственного опыта познания законов мироздания метагеометрия обнаруживает, что в составе человеческого бытия существует несколько геометрий, которые только на первый и невооруженный взгляд находятся в противоречии друг с другом. Все они, как признавал Ф. Клейн, равноправны и являются лишь отдельными случаями общего Кейлевского мироопределения, которым доказывается существование тесной связи между различными геометрическими системами [17]. Метагеометрия является источником их легитимности. С одной стороны, она не пользуется их аксиомами, а с другой – не отрицает их существа. Метагеометрия доказывает, что между евклидовской геометрией и не-евклидовской метрикой есть связь и в известном смысле – единство.

Свой путь к метауровню прошла физика. С относительно недавних пор она, как отмечает В.Д. Захаров, «поверила в невидимый мир и узнала его» [18, с. 15]. Метафизика уверенно вошла в физику и прочно укоренилась в ней в качестве предмета физического знания. Историографы нашли достаточно подтверждений тому, что развитие физики во многом определялось и продолжает определяться лежащими в ее основе метафизическими принципами. «Смена физических парадигм, – как утверждают специалисты, – вызывалась сменой метафизики, рождавшей каждый раз новый принцип относительности и, следовательно, новую физическую теорию» [18, с. 16].

Исследовав принципы механики, Г.В. Лейбниц заметил, что имеющихся в ее недрах знаний недостаточно для объяснения осно-

вания законов природы. Он признал, «...что в мире все совершается не только по геометрическим законам, но также и по метафизическим законам вечных истин». Г.В. Лейбниц обнаружил, что метафизические законы действуют во всей природе и превалируют над чисто геометрическими законами материи. Для него стало очевидным то, что физическая необходимость вытекает из метафизической.

В материи, ее протяженности и массе, как основополагающих категориях механики, физик не увидел активного и действительного начала. В них он не нашел *достаточно* основания мира и всех его связей «ни в какой-либо отдельной вещи, ни в собрании их, или совокупности» [19, с. 282]. Г.В. Лейбниц не обнаружил в природе материи *принципа истинного единства*, подтверждающего и объясняющего наличие связи между душой и телом. Основания мира найдены физиком вне мира, т. е. в том, что отлично от связи состояний и ряда вещей, совокупность которых образует мир.

Современники подтверждают, что физика и метафизика обратились друг к другу. Ранее этому мешало не отсутствие некоторых знаний о внешнем мире, а определенные философские установки – метафизические позиции. Их смена и повторное применение к прежним экспериментам сделало возможным обоснование ряда фундаментальных физических теорий.

Недавно к метауровню вернулась социология, от которого она ранее, казалось бы, навсегда была оторвана позитивистами. Источники напоминают периоды, когда социологи, находясь под влиянием, с одной стороны, теории эволюции Ч. Дарвина, а с другой – психоанализа З. Фрейда, терялись перед выбором между биологией и психологией, каждую из которых они рассматривали в качестве начального основания для своей науки. Их трудность была обусловлена пониманием того, что ни одна из этих наук не имела прочных оснований. Они также отдавали отчет и тому, что обращение к отвергнутой метафизике с ее идеями и верованиями, априорными непроверяемыми началами, считалось дурным тоном.

С тех пор неопределенность в отношении к метафизике продолжает сохраняться. Современное продвижение социологии по

направлению к метатеории специалисты воспринимают по-разному. Американский социолог Дж. Тернер, в частности, писал, что «...метатеоретизирование обычно увязает в значимых философских проблемах и демобилизует построение теорий... Оно вовлекает теории во внутренние неразрешимые и обычно дебатлируемые противопоставления» [20, с. 10]. Однако не все разделили скептицизм Дж. Тернера. Подобное, во многом обыденное отношение не создало непреодолимых препятствий на пути приобщения социологии к метатеории. Сегодня она уже вошла в ряд ведущих учебников по теории социологии. Наряду с другими вопросами социологии знания в отраслевых научных изданиях рассматриваются проблемы метасоциологии, формулируется ее определение.

Идет процесс апробирования метакатегорий. На данном этапе социологией востребован пока только гносеологический аспект метатеории. В деле познания метасферы человеческого бытия социология полагается в основном на опыт науковедения, где признается, что «любая наука достигает зрелости, т. е. становится самостоятельной, когда она переходит в парадигмальный статус» [21, с. 69]. Под метасоциологией понимают критический анализ эпистемологических и методологических структур социологии и ее различных компонентов.

Собственный путь по метаизмерению прокладывает история. Нельзя сказать, что метасфера является чем-то новым и ранее не востребованным исторической наукой. Представления о метаистории берут свое начало из глубокой древности. Первыми источниками этих представлений были мифы, религиозные традиции и другие культовые обычаи. В них допускалась реальность существования невидимых тонкоматериальных сущностей и миров, в контексте которых прибывает мир человеческий. В античные времена В. Великий говорил о существовании Божественной реальности, которая генерирует иную, человеческую действительность. Закономерности ее существования не сводимы к аналогичным характеристикам порождающей реальности [22, с. 171]. В Средневековье Н. Кузанский выделял порождающую реальность, составляющую область осуществления законов «метаистории», и реальность

вторичную – виртуальную, работающую с повседневными судьбами людей [23].

Но сконцентрированные усилия по постижению логики изменений человеческого общества посредством использования несравненно более «крупномасштабных» единиц измерения исторических протяженностей, нежели было принято ранее, предприняты представителями философии России и Запада лишь на заре XX в. В то время, по свидетельству историков, было осознано, что «вся «новоевропейская картина мира», включающая в свои рамки модель Вселенной, устроенной согласно механике И. Ньютона, а также схему эволюции, протекающей по Ч. Дарвину, является столь же мифологической, как и христианская доктрина мироздания. Эту мысль наглядно продемонстрировали О. Шпенглер, А. Бергсон, М. Элиаде и др.» [24].

Метаистория сохраняет установку на сущностно-онтологическое осмысление исторической жизни и представление о ней как о «сфере метафизического поиска» [25, с. 2]. В метатеории усматривают высшую форму осмысления исторического. Она не отягощена материальными свидетельствами человеческого бытия. На высотах метауровня вырабатываются способы духовного освоения мироистории. Исторический процесс оценивается сквозь призму таких «категорий, как добро и зло, прекрасное и безобразное, земное и небесное, настоящее и будущее, смерть и бессмертие, истина и заблуждение, прогресс и регресс и т. д.» [26]. На базе этих категорий выстраивается историософия как метаконцепция (целостное мировидение), которая, согласно Н.И. Карееву, синтезирует научно-объективное рассмотрение исторического процесса и ценностного подхода.

* * *

Таким образом, опыт метафизики не настолько бесполезен, насколько это может показаться судя по историческому к нему отношению науки уголовного права. В «умелых руках» метафизическая практика может послужить хорошим путеводителем в мир бытия, в т. ч. других отраслей знания. Она же на первом этапе позволит выйти за пределы сложившихся об уголовном праве стереотипов. Иначе говоря, помочь воспринять его тем, кто вне зависимости от наличия или от-

сутствия преступления всегда остается с нами. Самое же главное – онтологическая мысль способна предложить ранее практически невостребованные криминалистами знания, полезные для поиска уголовного права таким, каким оно есть само по себе. Она поможет отыскать, говоря словами Ф. Аквинского, обособленное существо этого права, кое суть первый двигатель, от которого необходимо зависит порядок всех его институтов [27, с. 686].

«Первому двигателю», надо признать, как обособленному существу, от которого зависит весь уголовно-правовой порядок, не придается должного значения. Гносеологический потенциал этого явления теорией не разрабатывается. Описание существа права обходится выделением и обоснованием якобы присущих только ему предмета и метода. Считается, что само по себе их наличие обеспечивает соответствующую отрасль правом на самостоятельный статус. Не замечается, что названные категории связаны преимущественно лишь с внешней характеристикой уголовного права – того, что ему противостоит и что определяет его место «под солнцем». Не принимается во внимание и то, что они противоположны, к примеру, парадигме, которая обращена вовнутрь права и преследует цель его самоопределения.

Упускается из вида и еще одна крайность. Не придается значения тому, что большинство развивающихся по стандартам современной науки идей берет свое начало от одной из двух противоположностей: либо от охраняемого «блага», либо от «зла», которым в рассматриваемой отрасли права выступает преступление. Что говорить, если всякое размышление об уголовном праве преимущественно начинается и сводится к рассмотрению учения о преступлении. Значительное число исследований посвящено Особенной части уголовного права, содержащимся в ней конкретным составам преступлений, их истории и практике применения.

В других случаях отправной точкой исследователей выступает защищаемое уголовным правом благо. Из Общей части этого права извлекается объект охраны, который на первом этапе изучается отвлеченно от своей отрасли права, а затем оценивается его отражение в широком круге норм Особенной части. Таким способом достигается понима-

ние того, соответствуют ли уголовно-правовые представления социальным, экономическим и другим моделям защищаемых благ. Иные исследовательские сценарии наука не выдвигает и не предлагает испытывать. Смена отмеченных исходных начал (сценариев) составляет основной источник эвристических ожиданий. В ряде случаев она приносит свои перспективные плоды.

Впрочем, познание «обособленного существа» уголовного права названными путями не совершается. И никогда не совершится. Их недостаточность для понимания бытийного дела была замечена и описана еще Аристотелем. Основную причину этого мыслитель видел в том, что ни одно из отмеченных начал не объясняет появления своей противоположности. «Ведь противоположности, – писал философ, – не могут оказывать воздействия друг на друга» [28, с. 401]. «А коль скоро мы познаем нечто только через его противоположность, – подтверждает сегодня В.Д. Захаров, – можно сделать вывод, что мы ничего кроме этой противоположности не знаем» [18, с. 17].

Убедительным подтверждением заявленному тезису служит состояние науки уголовного права. Сложившийся в ее недрах процесс получения знаний привел к тому, что к сегодняшнему дню криминалисты располагают данными о преступлении и наказании в более значительном объеме, чем об уголовном праве как таковом. Все, чем обладают современные юристы об отмеченной отрасли права, не больше того, что имели их предшественники. Они по-прежнему ведут речь в основном об уголовном праве как об отрасли права, законодательства, науки и учебной дисциплине. Проникновение в теорию уголовного права отвлеченных или других востребованных философией и общей теорией права категорий обеспечивается с трудом. Накопленные знания и их структура признаны полными и самодостаточными. «Они, – как пишет А.В. Наумов, – уже проверены веками». Поэтому, считает юрист, «никакого нового уголовного права не появится». Он прогнозирует, что «будет органическое развитие старого с приспособлением к новым реалиям» [29, с. 138].

Отсутствие во всем объеме представлений об уголовном праве крайне мало – знаний об «обособленном существе» этого пра-

ва как будто бы не замечается. Дефицит знаний о его самости криминалистов существенным образом не беспокоит. Всюду обнаруживаемый дуализм, обеспечивающий бесперебойное движение науки рассматриваемой отрасли права «по кругу», не вызывает у специалистов рефлексии (критического отношения). В них не возникает потребности, как пишет П.П. Гайденко, «найти «лежащее в основе» третье, которое было бы посредником между противоположностями» [30, с. 280].

О нечто третьем в свое время писал еще Аристотель. В нем он видел выход из подобных трудностей. «Для тех, кто устанавливает два начала, – говорил мыслитель, – должно существовать еще одно начало, более важное...» [28, с. 403]. Оно лежит в основе. Все противоположные определения, писал стоик, восходят к нему, и ни одно из них не может существовать без него отдельно. Это начало неподвижно и неприродно. Оно всегда – чистая актуальность. Сфера мышления является его питательной средой, а мысль – средством, используя внутренние возможности которой, как пишет В.В. Миронов, исследователь способен проникать в сущность бытия [31].

Предложение античного мыслителя универсально, а точнее – бытийно. Оно в полной мере применимо как к праву в целом, так и к уголовному праву в частности. Его обоснованность в последующем подтвердил и развил применительно к праву Г.Ф. Гегель. Он видел, что в споре о праве всегда лежат направленные друг против друга основания и отрицательные суждения. Для их разрешения требуется, как писал философ, «третье суждение». В его качестве выступает суждение о «праве в себе», которое не заинтересовано в вещи и являет собой силу, сообщающую этому праву наличное бытие [32].

«Нечто третье» Аристотеля и Гегеля метафизично. Современники не находят его в обыденной, повседневной жизни. Они обнаруживают «третье» в «другом мире». М.К. Мармашвили, в частности, называл этот мир «другим модусом бытия и жизни», который, по мнению мыслителя, более реальный, чем тот, который мы считаем эмпирическим, или обиходным, повседневным. По своей природе он первичен, состоит из человеческих явлений, которые заставляет отличать от человеческих состояний [33, с. 20].

Кажется, что привычный режим психофизических существ – единственно возможный и нормальный. Другого и более реального режима у криминалистов нет. Во всяком случае, с помощью подручных средств, в т. ч. уголовно-правовых, его невозможно представить. Уголовно-правовая мысль к тому же никогда не отрывалась от реальности известного ей мира, а поэтому возможно ее нельзя упрекнуть в недостаточной осмотрительности и обоснованности. Она всегда являлась последовательным и убежденным сторонником всего настоящего. На каждом историческом этапе ее модераторы призывали не забывать об окружающей уголовно-правовое право среде и старались обеспечивать в своих трудах их перманентную взаимосвязь.

Вспомним Н.С. Таганцева, который в конце XIX – начале XX в. настаивал на «изучении преступлений, какъ событий текущей жизни, какъ явлений социального порядка, или какъ продукта органическихъ особенностей известныхъ лицъ...» [34, с. 7]. В своих изысканиях юрист инкорпорировал реальность в уголовно-правовую материю. Н.С. Таганцев включил его в понятие нормы. Известно суждение правоведа о том, что только та норма может быть нарушена, которая имеет реальную жизнь. Для того чтобы она могла стать реальным элементом юридической жизни, норма должна быть создана жизнью, а затем получить самостоятельное бытие [34, с. 42].

На исходе XX – начала XXI в. В.Н. Кудрявцев высказал схожее мнение. Оценивая состояние уголовно-правовой науки, он заявил о том, что ее нынешнее положение обусловлено недостаточной связанностью с реальностью. Уголовное право нужно модернизировать, поскольку оно уже не решает проблем, появляющихся в связи с изменением времени, людей и их ценностей, которые в «XXI веке уже не те, что сто или даже пятьдесят лет назад» [11]. Сторонники и оппоненты В.Н. Кудрявцева, несмотря на некоторые разногласия, сходятся во мнении о потребности обеспечения связи уголовного права с современными для него реалиями.

Из сказанного следует, что реальность как таковая не забыта представителями науки уголовного права. Получение актуального уголовного права и таких же знаний о нем они пытаются добиться сбором сведений о

всех его проявлениях. Для этого они вникают в сферу политики и используют междисциплинарный метод. Поэтому криминалисты небезосновательно могут усомниться в значимости для них заявленного философами тезиса о существовании некоего неохваченного ими мира. В их предложении они не увидят для себя что-либо новое. По глубокому убеждению криминалистов, никакой более реальной реальности, чем та, которая внешне окружает уголовное право, нет. Однако в этом заключена скорее их проблема, чем достижение.

Очевидно, что имеющиеся знания о реальности служат одной из причин, препятствующих науке уголовного права в подступе к сфере метафизики. Они не позволяют юристам допустить мысль о двух мирах или о двух его модусах, один из которых более реален, чем существующий в их наличии. Многие в их представлениях о реальности обусловлено подручностью эмпирической жизни и ее более легкой доступностью для понимания, которым она попросту назначена действительной и возведена в статус подлинной.

Другая причина связана с неоправданными надеждами юристов на получение от сбора наибольшего объема различных знаний полного и актуального представления об уголовном праве. Они исходят из того, что право не может быть понято вне связи с различными сферами и формами социальной жизни, без учета нюансов правовых культур и консолидации самых разнообразных сведений, накопленных за долгие годы [35–39]. Им кажется, что свойственное метафизике абстрагирование допустимо и применимо только при исследовании конкретных аспектов и институтов права. Оно не подходит для постижения природы, сущности и назначения права, решения мировоззренческих вопросов. Их одоление возможно через анализ конкретной обстановки и определенного социального окружения, в которых действует право.

Однако ожиданиям правоведов, по свидетельству знающих специалистов, не суждено сбыться по достаточно объективным причинам. Ю.Ф. Вилесов и Ф.В. Лазарев, в частности, справедливо обращают внимание на то, что «ни один объект не может одновременно актуально проявить всех своих

свойств. Всякий объект неисчерпаем в своих свойствах, связях и отношениях» и «эта неисчерпаемость не является чем-то актуально данным» [36, с. 34]. В природе отсутствует та среда, в которой объект мог бы проявить все свои свойства. Да в ней и нет какой-либо необходимости. Общие законы проявляют себя через конкретные явления и процессы, в которых, надо добавить, всегда сохраняется искомое обособленное существо. Заполучение этого существа должно стать главной целью, достижение которой способно стать выходом из текущего кризиса уголовного права и качественной мерой по его включению в общенаучный и междисциплинарный контекст в частности.

1. *Бойко А.И., Голик Ю.В., Елисейев С.А., Иногамова-Хегай Л.В., Комиссаров В.С., Коляхин В.П., Коробеев А.И., Лопашенко Н.В., Якушин В.А.* Ошибки в УК. Постоянные изменения в УК наполнили его противоречиями // Российская газета. 2010. 10 июня.
2. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М., 2010.
3. *Sewall F.* The New Metaphysics or, the Law of End, Cause, and Effect, With Other Essays. L., 1888.
4. *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. Общая часть. М., 1912.
5. *Голик Ю.В.* Философия уголовного права: сборник. СПб., 2004.
6. *Козаченко И.Я., Козаченко Е.Б.* Размышления о метаправовом познании науки уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 8 Международной научно-практической конференции 27–28 января 2011 г. М., 2011. С. 76–81.
7. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сборник очерков / под ред. В.В. Лунева. М., 2010. С. 55–57.
8. *Безверхов А.Г., Коростелев В.С.* Служебные хищения имущества: тенденции и перспективы развития норм // Законодательство. 2014. № 4.
9. *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики (понятие, история и основные проблемы уголовной политики, как составного элемента науки уголовного права). Харьков, 1905.
10. *Wahlberg W.E.* Criminalistische und national-ökonomische Gesichtspunkte. S. V., 1872.
11. *Кудрявцев В.Н.* Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5.

12. Кузнецова Н.Ф. Нужна ли модернизация уголовного права? // Уголовное право. 2007. № 2.
 13. Порус В.Н. Междисциплинарность как тема философии науки // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 38. № 4.
 14. Порус В.Н. Выбор интерпретаций как проблема социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31. № 1. С. 18-35.
 15. Попов Е.А. Право и нормы права в аспекте социального и философского знания // Вопросы правоведения. 2013. № 5.
 16. Степанов В.Г. Что такое метагеометрия // Полигнозис. 1998. № 4 (4).
 17. Клейн Ф. Неевклидова геометрия / пер. с нем. Н.К. Брушлинского. Москва; Ленинград, 1936.
 18. Захаров В.Д. Метафизический образ мира // Метафизика. 2012. № 1 (3).
 19. Лейбниц Г.В. О глубинном происхождении вещей // Г.В. Лейбниц. Сочинения: в 4 т. / ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В.В. Соколов; пер. Я.М. Боровского и др. М., 1982. Т. 1.
 20. Turner J. The Structure of Sociology Theory. Homewood, 1986.
 21. Социология. Основы общей теории / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2003.
 22. Новейший философский словарь. Мн., 2003.
 23. Кузанский Н. О видении Бога // Н. Кузанский. Сочинения. М., 1979. Т. 2.
 24. Грицанов А.А. Проблемы эволюции природы человека в метаисторической перспективе // Спектр антропологических учений. Вып. 3 / отв. ред. П.С. Гуревич. М., 2010. С. 79-80.
 25. Зайцева Н.Р. Историсофия как сфера метафизического поиска: проблемное поле, специфика концептуальных построений, методология исторического моделирования. М., 2005.
 26. Кальной И.И. Философия истории. Симферополь, 2004.
 27. Аквинский Ф. О необходимости существования вечной неподвижной субстанции // Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / сост. и подготовка текста С.И. Еремеев. Санкт-Петербург; Киев, 2002.
 28. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / сост. и подготовка текста С.И. Еремеев. Санкт-Петербург; Киев, 2002.
 29. Наумов А.В. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4.
 30. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980.
 31. Миронов В.В. Предметное самоопределение метафизики // Метафизика. 2011. № 1.
 32. Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / отв. ред. Е.П. Ситковский. М., 1977.
 33. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики). СПб., 2012.
 34. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 1. СПб., 1902.
 35. Сигалов К.Е. Среда права: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2010.
 36. Вилесов Ю.Ф., Лазарев Ф.В. Взаимосвязь между законами и понятиями в физике // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1999. № 6.
 37. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4.
 38. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев, 1912.
 39. Тимошенко А.А. К вопросу о применении уголовно-процессуального закона по аналогии // Научные труды. Российская академия наук. Вып. 13: в 2 т. М., 2013. Т. 2. С. 812-816.
-
1. Boyko A.I., Golik Yu.V., Eliseev S.A., Inogamova-Khegay L.V., Komissarov V.S., Konyakhin V.P., Korobeev A.I., Lopashenko N.V., Yakushin V.A. Oshibki v UK. Postoyannye izmeneniya v UK napolnili ego protivorechiyami // Rossiyskaya gazeta. 2010. 10 iyunya.
 2. Kontseptsiya modernizatsii ugovornogo zakonodatel'stva v ekonomicheskoy sfere. M., 2010.
 3. Sewall F. The New Metaphysics or, the Law of End, Cause, and Effect, With Other Essays. L., 1888.
 4. Poznyshev S.V. Osnovnye nachala nauki ugovornogo prava. Obshchaya chast'. M., 1912.
 5. Golik Yu.V. Filosofiya ugovornogo prava: sbornik. SPb., 2004.
 6. Kozachenko I.Ya., Kozachenko E.B. Razmyshleniya o metapravovom poznanii nauki ugovornogo prava // Ugovornoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 27-28 yanvarya 2011 g. M., 2011. S. 76-81.
 7. Ugovornoe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik ocherkov / pod red. V.V. Lunnova. M., 2010. S. 55-57.
 8. Bezverkhov A.G., Korostelev V.S. Sluzhebnye khishcheniya imushchestva: tendentsii i perspektivy razvitiya norm // Zakonodatel'stvo. 2014. № 4.
 9. Chubinskiy M.P. Ocherki ugovornoy politiki (ponyatie, istoriya i osnovnye problemy

- ugolovnoy politiki, kak sostavnogo elementa nauki ugolovnogo prava). Khar'kov, 1905.
10. *Wahlberg W.E.* Criminalistische und national-ökonomische Gesichtspunkte. S. V., 1872.
 11. *Kudryavtsev V.N.* Nauku ugolovnogo prava pora modernizirovat' // *Ugolovnoe pravo*. 2006. № 5.
 12. *Kuznetsova N.F.* Nuzhna li modernizatsiya ugolovnogo prava? // *Ugolovnoe pravo*. 2007. № 2.
 13. *Porus V.N.* Mezhdistsiplinarnost' kak tema filosofii nauki // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2013. T. 38. № 4.
 14. *Porus V.N.* Vybor interpretatsiy kak problema sotsial'noy epistemologii // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2012. T. 31. № 1. S. 18-35.
 15. *Popov E.A.* Pravo i normy prava v aspekte sotsial'nogo i filosofskogo znaniya // *Voprosy pravovedeniya*. 2013. № 5.
 16. *Stepanov V.G.* Chto takoe metageometriya // *Polignozis*. 1998. № 4 (4).
 17. *Kleyn F.* Neevklidova geometriya / per. s nem. N.K. Brushlinskogo. Moskva; Leningrad, 1936.
 18. *Zakharov V.D.* Metafizicheskiy obraz mira // *Metafizika*. 2012. № 1 (3).
 19. *Leybnits G.V.* O glubinnom proiskhozhdenii veshchey // G.V. Leybnits. Sochineniya: v 4 t. / red. i sost., avt. vstupit. stat'i i primech. V.V. Sokolov; per. Ya.M. Borovskogo i dr. M., 1982. T. 1.
 20. *Turner J.* The Structure of Sociology Theory. Homewood, 1986.
 21. *Sotsiologiya. Osnovy obshchey teorii* / otv. red. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. M., 2003.
 22. *Noveyshiyy filosofskiy slovar'*. Mn., 2003.
 23. *Kuzanskiy N.* O videnii Boga // N. Kuzanskiy. Sochineniya. M., 1979. T. 2.
 24. *Gritsanov A.A.* Problemy evolyutsii prirody cheloveka v metaistoricheskoy perspektive // *Spektr antropologicheskikh ucheniy*. Vyp. 3 / otv. red. P.S. Gurevich. M., 2010. S. 79-80.
 25. *Zaytseva N.R.* Istoriosofiya kak sfera metafizicheskogo poiska: problemnoe pole, spetsifika kontseptual'nykh postroeniy, metodologiya istoricheskogo modelirovaniya. M., 2005.
 26. *Kal'noy I.I.* Filosofiya istorii. Simferopol', 2004.
 27. *Akvinskiy F.* O neobkhodimosti sushchestvovaniya vechnoy nepodvizhnoy substantsii // *Aristotel'. Metafizika*. Perevody. Kommentarii. Tolkovaniya / sost. i podgotovka teksta S.I. Eremeev. Sankt-Peterburg; Kiev, 2002.
 28. *Aristotel'. Metafizika*. Perevody. Kommentarii. Tolkovaniya / sost. i podgotovka teksta S.I. Eremeev. Sankt-Peterburg; Kiev, 2002.
 29. *Naumov A.V.* Otkrytoe pis'mo professora A.V. Naumova akademiku V.N. Kudryavtsevu // *Ugolovnoe pravo*. 2006. № 4.
 30. *Gaydenko P.P.* Evolyutsiya ponyatiya nauki. M., 1980.
 31. *Mironov V.V.* Predmetnoe samoopredelenie metafiziki // *Metafizika*. 2011. № 1.
 32. *Gegel' G.F.* Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3. Filosofiya dukha / otv. red. E.P. Sitkovskiy. M., 1977.
 33. *Mamardashvili M.* Vil'nyusskie lektzii po sotsial'noy filosofii: (Opyt fizicheskoy metafiziki). SPb., 2012.
 34. *Tagantsev N.S.* Russkoe ugolovnoe pravo: Lektzii. Chast' obshchaya. T. 1. Spb., 1902.
 35. *Sigalov K.E.* Sreda prava: avtoref. dis. ... d-ra yur. nauk. M., 2010.
 36. *Vilesov Yu.F., Lazarev F.V.* Vzaimosvyaz' mezhdru zakonami i ponyatiyami v fizike // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 1999. № 6.
 37. *Pobegaylo E.F.* Krizis sovremennoy rossiyskoy ugolovnoy politiki // *Ugolovnoe pravo*. 2004. № 4.
 38. *Pustoroslev P.P.* Russkoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Vyp. 1. Yur'ev, 1912.
 39. *Timoshenko A.A.* K voprosu o primenenii ugolovno-protsessual'nogo zakona po analogii // *Nauchnye trudy. Rossiyskaya akademiya nauk*. Vyp. 13: v 2 t. M., 2013. T. 2. S. 812-816.

Поступила в редакцию 7.06.2014 г.

UDC 343.13(4/9)

METAPHYSICS AND ITS PLACE IN STRUCTURE OF CRIMINAL-LEGAL KNOWLEDGE

Sergey Alexandrovich BOCHKAREV, Institute of State and Law, RAS, Moscow, Russian Federation, Candidate of Law, Senior Research Worker, Department of Criminal Law and Criminology; Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Vice Chief of Management for Supervision of Investigation of Major Cases, e-mail: bochkarvs@mail.ru

The attention is paid to the fact that the crisis of criminal law can be based not only on its poor enforcement side, but also theoretical insecurity of this right. Research the latest developments have shown that the structure of modern criminal legal knowledge is not distinguished by its completeness and self-sufficiency. The theory does not have the basic knowledge about the extent that I can judge the usefulness of law. We are talking about almost forgotten metaphysics, responsible for the integrity and essence, unity and orderliness, meaning and understanding, as well as for the final cause and purpose, the knowledge of which is now in short supply. Useful for criminal law the possibility of metaphysics are proved. Disclosure act-really is able to convince criminologists in need of a retreat from empiriocriticism traditions and uncontested desire only to seek the explanation of the substantive criminal law. The main reasons preventing the science of criminal law in the approaches to the sphere of metaphysics are disclose.

Key words: criminal law; knowledge; crisis; metaphysics; ontology; inter-discipline; politics; positivism; empiricism; science; theory.

